

Берегите друг друга

Автор:

Никита Кремис

Берегите друг друга

Никита Сергеевич Кремис

Чего так не хватает современному обществу? Верной любви, настоящей дружбы, бескорыстной доброты. В сборнике "Берегите друг друга" собраны разные рассказы, но все они подарят вашим сердцам частичку теплоты. Здесь вы найдёте истории о прошлом и будущем, о забавах детей и мудрости стариков, о безмерной любви и разрушительной ненависти. Истории, которые заставляют задуматься. Истории, несущие радость и слёзы. Истории, после которых хочется жить.

Никита Кремис

Берегите друг друга

Берегите друг друга!

Я никому этого не говорил, но тебе признаюсь. Я не совсем обычный человек.

Сейчас сижу в социальной сети и смотрю на фотографию парня. Сегодня он покончил с собой. Большие карие глаза, тёмные волосы, высокий, стройный. И улыбка. На всех фотографиях. Нет ни одной печальной картинке, которая выдавала бы его намерения. В друзьях восемьсот пятьдесят три человека. Сколько из них знали его по-настоящему? Новость, которая шокировала меня,

сама выдаёт ответ. Ноль. Вдруг понимаю, что каждая страница социальной сети так и пестрит ложью. Фальшивые улыбки, незнакомые друзья. Злость переполняет меня, и я швыряю телефон в сторону.

Я видел этого парня всего раз в жизни, но этого хватило, чтобы почувствовать его смерть. Не знаю, когда я обнаружил в себе эту способность. В детстве постепенно осознал, что чувствую, когда кто-то умер. На минуту становилось плохо, а в голове звучал голос: «Девятьсот пятьдесят три тысячи сорок восемь». Каждый раз число уменьшалось.

Помню, как читал в газетах новости об умерших, и понимал, что не все смерти откликаются во мне. И лишь спустя несколько лет я выяснил три правила моей способности.

Я чувствую смерть тех людей, с которыми хоть как-то соприкасался. И не важно, увидел я мимоходом человека на улице или посмотрел на фотографию, услышал голос в автобусе или послушал песню. Невидимая частица этих людей будто бы цеплялась за меня, а потом исчезла, когда хозяин умирал. Ты, наверное, уже догадался, что я стараюсь избегать людных мест, не смотрю телевизор и не слушаю музыку.

Но в любом правиле есть исключения. У меня они тоже были. Естественная смерть. Её я не чувствовал.

Второе правило моей способности – я никогда не знаю, кто конкретно умер. Просто знаю, что случилось нечто ужасное. Авария? Несчастный случай? И кто погиб? Страшно ждать новость о ком-то из близких, когда на сто процентов уверен, что в эту минуту ещё один человек покинул наш мир. Да, о многих смертях я так и не узнаю. Если погиб человек, который в автобусе по радио рекламирует новую мебель, я почувствую лишь, что кто-то умер, но так и не узнаю, кто и как. Только в голове прозвучит ещё одно число.

Числа – это самое страшное правило. Это самая страшная тайна для меня. Я не знаю, что произойдёт, когда закончится обратный отсчёт. Я тоже умру? Скорее всего, да. Внутреннее чутье подсказывает, что так и будет, но я в этом не уверен.

Знаю одно: счёт начался с миллиона. Мне двадцать семь лет, и вместе со смертью парня, который повесился, у меня в голове прозвучал голос: «Сорок четыре».

Можно ли было его спасти? Я ведь мог подойти к нему тогда на улице, когда он пел под гитару. Пел красиво:

«В часы, когда все бесполезно,

И смысла нет на свете жить,

Над черной бездной, жуткой бездной

Нас держит тоненькая нить.

Она надеждою зовется,

и верить хочется, так верить хочется,

Что эта нить не оборвется

И жизнь не кончится, не кончится».

Если бы тогда на улице мы познакомились, когда он пел под гитару, спасло бы это его или нет? Теперь этого никогда не узнать...

Об этой тайне, о моей способности, никто не знает. Кроме тебя.

И мне страшно. Если бы он не смог убить себя, у меня в запасе была бы целая жизнь. Если бы кто-то успел помешать ему или оказался более внимательным, чем другие, он спас бы две жизни. Того парня и мою.

Чтобы успокоится, включаю новостное радио. Оно всегда настроено на одну и ту же частоту. Диктор, чей голос с детства соприкоснулся со мной, одну за другой

читает новости. И вдруг я слышу название моего родного города. В одном из зданий террористы заложили бомбу. По некоторым данным сейчас в здании находится около двухсот человек.

Меня затрясло. Среди тех несчастных, я уверен, найдётся сорок человек, с которыми я соприкоснулся. Неужели сегодня и моя жизнь оборвётся? Нет, я должен спасти людей.

Я быстро одеваюсь и иду к выходу. У меня нет плана, нет ничего, что помогло бы спасти несчастных. На пороге меня останавливает мама. Она приехала в гости на неделю и с самого утра вязала свитер.

– Куда ты собрался? – тревожно спросила она, как будто почувствовала моё волнение.

– Ты слышала новости? Вдруг я смогу помочь там? Вдруг смогу спасти людей?

– Сынок, – мама подошла ко мне и ласково прикоснулась к щеке, – ты не супергерой, пойми. Там есть специально обученные люди. Они всё сделают.

– Ты не понимаешь, – сказал я, взяв её руку в свою. Не мог я рассказать ей о своей тайне. – Я должен.

– Нельзя спасти всех, – попыталась мама переубедить меня.

– Но я хотя бы попытаюсь.

После этих слов я выбежал из дома.

Здание, в котором была бомба, огородили. Попасть внутрь невозможно. Да и что бы я сделал, если смог бы оказаться внутри? Стал бы ещё одним заложником. Вот и всё.

Ко мне подошёл мужчина в форме и попросил отойти подальше.

– Скажите, как вы планируете спасти людей? – спросил я.

– Наши люди уже внутри, – ответил он. – Сапёры уже приступили к разминированию бомбы.

Мужчина, видимо, прочитал в моих глазах немой вопрос: всё ли в порядке с людьми там, внутри? Он достал рацию и произнёс:

– Приём, доложите обстановку.

– Бомба разминирована, – слышался ответ, – приём.

– Отлично, теперь выводите людей.

Мужчина в форме снова обратился ко мне:

– Там, – он махнул головой в сторону здания, – всё под контролем.

Я не успел даже облегчённо выдохнуть. Раздался взрыв. Террористы заложили две бомбы. Вторая приводилась в действие при разминировании первой.

Я падаю на землю и хватаюсь за голову.

«Сорок два. Сорок один. Сорок».

Кричу, но сам себя не слышу.

«Тридцать девять. Тридцать восемь. Тридцать семь».

Молю, чтобы голос перестал считать.

«Тридцать шесть. Тридцать пять. Тридцать четыре».

Ко мне подбегают несколько человек и пытаются понять, что происходит.

«Тридцать три. Тридцать два. Тридцать один».

Я не вижу, как силовики выводят выживших из здания.

«Тридцать. Двадцать девять. Двадцать восемь».

Неужели это конец? Я не хочу умирать?

«Двадцать семь. Двадцать шесть. Двадцать пять».

Сколько бы ни было погибших, к ним добавится ещё одна смерть. Моя.

«Двадцать четыре. Двадцать три. Двадцать два».

Счёт продолжает уменьшаться, а я жду конца. Вот уже осталось меньше десяти жизней.

«Девять...

Восемь...

Семь...

Шесть...

Пять...»

Счёт остановился. Я встаю с земли и смотрю в сторону здания. Слезы застилают глаза, но я вижу, как врачи выносят девушку на носилках. Бегу к ним. Смотрю в лицо пострадавшей и узнаю её. Каждое утро я встречаю эту девушку в автобусе, когда еду на работу.

– Вы должны спасти её, – твержу я докторам.

– Вы знакомы?

– Да, то есть, нет, – мысли начинают путаться.

– Мы сделаем всё возможное, – ответил доктор и закрыл дверь скорой помощи.

«Никто больше не должен умереть», – эта мысль пронзает меня и заставляет броситься внутрь здания, чтобы помочь пострадавшим.

Нахожу под обломками полного мужчину. Он дышит, но без сознания. Развязываю ему галстук на шее и твержу одно и то же:

– Ты не должен умереть. Ты не умрешь.

Я его не знаю. Наверное. Во всяком случае, не помню. Да, я пришёл сюда, чтобы спасти себя, но, в первую очередь, чтобы спасти людей. Даже тех, с которыми не соприкасался.

Ко мне подбегают два крепких парня, и вместе мы выносим мужчину на улицу. Незнакомая женщина подбежала к нам с бутылкой воды. Она брызнула на лицо мужчине несколько капель, и тот пришёл в себя.

Лишь к вечеру я вернулся домой. Без сил. Лёг на кровать и тут же уснул.

Посреди ночи голос назвал ещё два числа: четыре, три.

Утром я узнал, что вчера погибло пятьдесят человек. Сорок из них сталкивались со мной. Двое скончались в больнице. Выживших врачи уже осмотрели, тяжёлых случаев больше нет. Они все будут жить. А у меня осталось три жизни.

Если ты читаешь это, значит ты тоже столкнулся со мной. Да, я пошёл на риск, чтобы попросить у тебя помощи. Помогите мне. Будь внимательнее к окружающим тебя людям. Наблюдай и помогай тем, кто нуждается в тебе. Возможно, я живу в твоём городе, и у нас с тобой есть общие знакомые. Они должны прожить долгую жизнь. Наверняка у тебя есть родственники и близкие друзья. Прошу: берегите друг друга. Помни, если трое из них погибнут, меня тоже не станет.

Моя жизнь теперь связана с твоей. Она теперь в твоих руках, поэтому пишу тебе самое главное.

Береги себя!

Состояние Сои

Рано утром я подошла к своему старенькому автомобилю, как вдруг услышала позади себя голос Тома, моего двоюродного брата:

– Эй, Сара! Ты куда собралась?

Том – мой лучший друг. Мы с ним ровесники, поэтому в детстве много времени проводили вместе и сейчас редко разлучались.

– Получила письмо от бабушки. Просит меня приехать, – ответила я.

– От бабушки Сои? Почему она всегда пишет письма? Сейчас и позвонить можно.

– Ты не знаешь мою бабушку. Она любит всё приукрасить, любит писать письма, любит загадочность и старину. Пригласи её сейчас на бал – она будет в восторге.

– Ну да, вот только ей уже за восемьдесят. Кружиться в вальсе с принцем – увы! – не получится. Как её самочувствие?

– Хотелось бы лучше, – вздохнула я, – но, к сожалению, с каждым днём её состояние ухудшается. Мне пора ехать.

– Давай, увидимся ещё – сказал Том и обнял меня на прощание.

– Пока, Томми. Вернусь через неделю.

Я села в машину и завела двигатель, который заревел под капотом моего фордика. Люблю старые тачки: двигатель в них грозный, мощный, способный

напугать своим рыком даже самого разъярённого льва. А в современных автомобилях двигатели-шептуны, еле-еле слышны. Под них и заснуть можно, не понимая, едешь ты или стоишь.

Ещё долго Том махал мне рукой, пока я выезжала из города. Наблюдая за ним в зеркале заднего вида, я понимала, что люблю его. Можете называть меня дурочкой, но сердцу не прикажешь. Что делать, если из всех парней именно мой кузен из маленького невзрачного мальчишки стал широкоплечим стройным мужчиной, способным защитить меня? Он работает фитнес-тренером, но полюбила я его не за накаченное тело и красивое лицо с ямочками на щеках, а за его добрую душу. Он всегда помогал мне и всегда верил в меня, когда другие утверждали, что ничего у меня не выйдет. И, в какой-то мере, благодаря ему я смогла выучиться и стать пилотом пассажирского самолета.

Выехав из города, я снизила скорость, чтобы рассмотреть ту красоту, что открывалась передо мной. По обоим краям колосилась золотая рожь. Ветер слегка колыхал злаки, отчего мне казалось, что я проезжаю посреди пожара, но огонь в нём мирный, добрый. Впереди виднелся лес. Деревья создавали иллюзию ворот, которые приглашали меня в новый мир. Здесь берёзы, словно девушки, водили свой незатейливый хоровод, а дубы, будто сильные юноши, смотрели на них, демонстрируя свои мощные ветви, говоря, мол, смотрите, какие мы высокие и могучие. Мы сможем защитить вас от лесной нечисти, лесорубов и всякой живности.

Одна берёзка криво росла и верхушкой касалась соседнего дуба. «Вот и вправду счастливая пара», – думала я, глядя на них и представляя, как эти деревья, когда их никто не видит, оживают, и дуб делает берёзе предложение, на которое та отвечает коротко и уверенно: «Да!»

Но настоящая сказка открывалась сразу же за лесом. Здесь дорога проходила по вершине холма, поэтому внизу было видно озеро, в котором купалось солнце, и луг, который приглашал полежать в его мягкой зеленой траве. Я всегда обожала это место. Ведь самым приятным было то, что бабушкина усадьба располагалась совсем близко от этой сказки.

Я припарковалась в километре от бабушкиного дома и вышла из машины (бабушка не любила автомобили, а я уважала её желания). Подходя к дому, я, как всегда, не могла не удивиться: он поражал своими размерами. Казалось, будто я переместилась на два века назад: вход украшали колонны, широкий

балкон занял своё место на втором этаже, а на крыше была видна пара горгулий. Здесь даже слуги были. Сразу понятно: человек, который здесь живет, нажил себе большое состояние.

В доме я поднялась на третий этаж по деревянной лестнице в комнату бабушки, самую большую комнату во всём доме с высокими потолками. Медсестра делала бабушке реабилитационную гимнастику: бабушку парализовало после инфаркта.

– Сара, почему ты так долго не приезжала? – начала ворчать бабушка, увидев меня, но я знала, что это у неё напускное. На самом деле, она рада меня видеть.

– Я приехала, как только получила твое письмо.

– Элен, уходи, я хочу поговорить с внучкой, – обратилась бабушка к медсестре.

– Но мы только начали...

– Я сказала: вон! – перебила её старая женщина, и та решила не спорить.

Когда Элен ушла, я сказала:

– Нельзя так с людьми.

– Можно, когда они всё делают неправильно. Посмотри на мои гортензии, они опять стоят в тени. Сколько раз я говорила горничной ставить их на солнце. А шкаф. Он опять не закрыт плотно. Я наняла работать в доме лакея или саму лень? Ничего не хочет делать!

– Твои слуги тебя любят, – пыталась я поднять настроение этой ворчунье, – просто они не могут делать всё и сразу.

– Ох, Сара, ты одна меня понимаешь. Кстати, я хотела бы поговорить с тобой о завещании.

– Зачем? Ты ещё будешь жить много лет.

– Не перебивай меня, я знаю, что мне осталось немного. Сегодня приходил мой юрист, я переписала завещание полностью на твоё имя.

Я была очень удивлена:

– А как же моя мама и мой дядя? Это ведь твои дети!

– Ха, дети! Твоя мать не хочет меня видеть. А сына своего я видеть не хочу. Вот такая у нас семейка.

– Ты обещала мне как-то рассказать, что же произошло между вами.

– Да, я помню. Для этого я и пригласила тебя, чтобы всё рассказать.

Бабушка помолчала, а потом неожиданно спросила:

– Сара, у тебя есть на примете какой-нибудь парень, с кем бы ты хотела прожить всю свою жизнь?

Я засмушалась и сказала, что такой парень есть, но мы не можем быть вместе.

– О, внученька, – бабушка положила свою морщинистую ладонь на мою руку, – тогда ты поймёшь то, что я хочу тебе рассказать. Когда я была такой же молодой и красивой, как ты, я встретила молодого человека по имени Ханс. У него были светлые волосы и голубые глаза. Он косил траву, а я собирала ее. Так мы и познакомились. Ему понравилось моё имя. Мы оба были из обычных семей. Не было у нас никаких богатств, но мы были счастливы. В те времена молодёжь умела и трудиться, и веселиться. Тем же вечером мы жгли костры, прыгали через них, танцевали под музыку. Я влюбилась и больше ни о чем не могла думать. Вот только мои родители-евреи были против отношений с сыном семьи из Германии. Мы никому не говорили о нашей любви. Прятались на сеновалах, убегали в лес. Он даже предлагал нам сбежать из деревни. В следующий раз я была настолько же счастлива лишь в день твоего рождения, – бабушка улыбнулась мне.

Я тоже не скрывала своей улыбки, ведь в этот момент бабушка как будто светила, пока вспоминала те далекие дни, которые не канули в Лету. Она была

похожа на увядающий, но все еще красивый цветок, способный источать нежный аромат.

Вдруг её лицо омрачилось. Заметив это, я спросила:

– Что было дальше?

– Началась война. Родители, узнав, что фашисты делают с евреями, решили бежать в другую страну, искать там убежище. Всё произошло так быстро, что мне не удалось даже попрощаться с Хансом. Я думала, он придёт на вокзал, но нет. Я была обижена, но всё ещё любила его. Только спустя год я смогла успокоиться и забыть Ханса.

Там, куда мы переехали (сейчас даже название того городка не вспомню), мы жили ужасно. У нас не было денег. Но мы понимали, что живы благодаря лишь тому, что вовремя уехали. Отец часто успокаивал нас этим. Никто из нас не ожидал, что и в этот городок нагрянут фашисты. Первым делом они стали искать евреев. Наши соседи оказались подлыми людьми и выдали нас. К нам в дом посреди ночи ворвалось с десяток фрицев. Они вытащили нас из постелей и повели к дверям. Отец сопротивлялся, пытался защитить нас. Его тут же и пристрелил один из них. Другой, схватив его за автомат, сказал:

– С ума сошел! Они же люди!

Я узнала голос.

– Им все равно всем крышка. Какая разница, умереть сегодня или завтра? – ответил убийца моего отца.

Другой поднял на меня глаза, и из моей груди вырвался печальный вздох:

– Ханс?

Он узнал меня, но ничего не сказал. Нас – меня, мать с грудным младенцем и моего младшего брата – выволокли на улицу и потащили в сторону вокзала, а там затолкали в вагон, который и так был набит людьми, и вскоре мы тронулись. Ехали долго. Мне казалось, что прошли целые сутки. Люди ходили в туалет там

же, где и стояли. Ребенок у мамы на руках уже не кричал: его придавили в тесноте, и он умер. Мать ничего не понимала. Думаю, еще после убийства отца у неё в голове что-то произошло, и теперь она смотрела на всё происходящее отсутствующим взглядом.

Нас привезли в лагерь и сразу же поставили в очередь к зданию, из которого шёл густой черный дым.

– Какой ужас ты рассказываешь, бабушка! – не выдержала я, прижав к щеке ладонь.

– Ужас – это видеть, как мать с мёртвым сыном на руках и мой брат, державшийся за маму, вошли в это здание. Я понимала, что они больше оттуда не выйдут.

– А ты? Как ты спаслась?

– Ханс спас меня. Он сказал оберштурмбанфюреру, что этой ночью хочет женщину. Ему разрешили выбрать среди жидовок, и он выбрал меня.

Мы спрятались. Я рыдала и спрашивала его, как он мог стать таким монстром, как все эти люди. Он объяснил, что вынужден был стать фашистом, иначе его семью убили бы.

Я спросила у него, что будет, когда узнают о его лжи? Он ответил, что это был не обман. Он и вправду хочет меня, но не здесь и не сейчас. Лишь час спустя Хансу удалось увезти меня в багажнике машины к себе на квартиру. Оттуда мы ушли спустя пять минут. Так началось наше бегство.

Месяц мы любили друг друга, но нашей любви мешал вечный страх. Постоянно приходилось переезжать из одного места в другое. Ханса объявили врагом народа. И однажды, когда он ушёл узнать обстановку в городе, больше не вернулся. Позже я узнала, что он попал в плен к русским. А тогда, понимая, что случилось что-то ужасное, мне пришлось выживать самой.

Я нашла себе работу. Стала почтальоном. И встретила человека, который через пять дней после нашего знакомства сделал мне предложение. Я согласилась

только потому, что в тот момент мужчин почти не осталось, а у него было очень большое состояние. Мне надоело жить бедно. Несмотря на то, что он был старше меня на пятнадцать лет, я дала согласие. Он был еврей, как и я. Деньги дали ему защиту, а значит, дадут и мне. Его звали Боб. Зная немного русский, я смеялась: «Какая ирония – Соя и Боб». Но это не смущало меня. До свадьбы Боб был человек-забота, человек-доброта. Но после свадьбы он изменился. Боб стал избивать меня, он пользовался мной, а после трех лет нашей совместной жизни стал изменять мне, приводя в дом каких-то девиц, зная, что я слышу то, что происходит в его комнате. Я оставалась с ним только потому, что безгранично могла тратить его богатство. Сначала у меня был план его разорить, но, чем больше я тратила, чем больше он зарабатывал. Не знаю, как у него это получалось.

Однажды, зайдя в магазин книг, я стояла и выбирала самую дорогую книгу, как вдруг услышала:

– Здравствуй, Соя.

Книга выпала из моих рук, я обернулась и увидела Ханса. Да, это был он. Я бросилась в его объятия, но он только оттолкнул меня. И тут я поняла, что он в одежде бедняка смотрится жалко по сравнению со мной и моим богатым платьем.

– Я слышал, ты замужем. И как тебе? Счастлива?

Он с укором смотрел на меня. Возле глаза я увидела у него новый шрам, пересекающий бровь. Я видела, что сейчас он одновременно и любит меня, и ненавидит.

– О, Ханс, пойми, что сейчас только ты один в целом свете можешь мне помочь. Мой муж деспот, изверг, он избивает меня!

Впервые за долгое время я смогла кому-то рассказать о своей горе. Слезы брызнули из моих глаз. Я замолчала, увидев решимость Ханса сейчас же пойти и убить Боба.

– Нет, Ханс, даже не думай об этом. Он растопчет тебя, – пыталась я образумить его.

Постепенно он успокоился и пригласил меня к себе. В своей комнате он овладел мной. Впервые за долгое время мне было приятно, а не противно. Через месяц я поняла, что беременна. Но от кого? От Боба или от Ханса? В то время никто точно не мог сказать, но я считала, что это ребенок Ханса. Несмотря на мое положение, Боб продолжал избивать меня, как будто догадывался, что у меня роман на стороне. Тогда я поняла, что не могу больше терпеть. Я решила убить его, но так, чтобы никто не догадался. Нарвав в поле цикуты...

– Что, прости? – перебила я бабушку.

– Цикута – это такое растение с белыми цветами в виде зонтика. Так вот, нарвав цикуты, я добавляла эту траву в еду Боба малыми дозами. Через несколько дней у него стала болеть голова и началась рвота. Врачи не знали, что с ним, а я решила поскорее закончить начатое, и добавила слишком большую дозу. Он ничего не подозревал, потому что я беспокоилась за него и заботилась о нем, но, конечно, делала лишь вид. После его смерти все деньги отошли мне. Бог наказал меня за убийство: у меня родилась мертвая девочка.

Ханс так и не стал моим мужем. Он скрывался, и в качестве человека его не должно было существовать. Позже он рассказал, что из плена ему удалось бежать. Но и здесь не ждали с распростертыми объятиями. Мы даже жили не вместе. Конечно, он часто приходил ко мне. Бывало, оставался на неделю или на две, но это не приносило полного счастья. Даже, когда от Ханса у меня родилась твоя мать, Эмилия, я понимала, что никто не должен знать, кто её отец.

– Но мама говорила, что она чистокровная еврейка.

– Она так хочет думать. Мы говорили ей, что её отец Боб, еврей. В то время быть внебрачным ребенком – значит навсегда заклеить себя бесчестьем. Мы спасли ее от этой судьбы, солгав ей. Но, когда она выросла, то стала задавать вопросы. Пришлось ей сказать правду. Она очень сильно обиделась на нас и сейчас не хочет даже видеть меня.

– О да, это у нас было вечной проблемой в семье. Отец – истинный иудей, поэтому не имеет права разводиться, и не имеет права на отношения с женщинами других наций, в том числе с нечистокровными евреями.

– И как они уживаются? – спросила бабушка.

– Живут вместе. Вроде бы всё улеглось. Смирились со своим положением.

– Тогда хорошо.

– А сын? – вновь вспомнила я о рассказе. – Почему ты не хочешь его видеть?

– Он родился у нас, когда мы были уже немолодыми. Наверное, поэтому его и разбаловали. Он вырос невоспитанным, пропивал наше имущество. Я выгнала его, сказав, что от меня он не получит и копейки.

– А что с Хансом? Где он?

– Я всем говорю, что он умер еще во время войны в лагере от пыток. Но, на самом деле, он всё ещё заходит ко мне. Просто не хочет, чтобы о нем кто-то знал. Он ведь считался врагом народа после того, как помог мне. И пусть прошло уже много лет, но Ханс не видит смысла менять что-либо или начинать сначала. Уже слишком поздно.

– Почему ты ему не оставишь всё своё состояние?

– Зачем оно ему? Он такой же старик, как и я. Передать мои богатства кому-то он не может. Сара, ты одна понимаешь меня. Я знаю, что тебе, в отличие от других, не нужны мои деньги, именно поэтому ты их и получишь. Ты терпишь меня, хоть я иногда бываю ворчливой, ты заботишься обо мне. Я поступила правильно, переписав завещание на твоё имя. Хоть раз в жизни я поступила правильно.

Бабушка закрыла глаза. Этот поток слов отнял у неё слишком много сил.

Поцеловав её в лоб, я вышла из комнаты и решила сходить к озеру, чтобы переварить всё, что услышала, сделать выводы для себя и подумать, что мне делать с Томом.

Спускаясь по лестнице, я встретила старого дворецкого. Он загадочно мне улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте, мисс!

В ответ я лишь кивнула ему и только на улице поняла, что в глаза мне бросился его шрам, пересекающий бровь.

Разлука

На моих губах остался солёный привкус слёз и сладость поцелуя.

Лето. Солнце припекает. Я стою на вокзале, где пахнет мазутом, и прощаюсь с мужем. Он держит моё лицо в своих больших руках и говорит:

– Не надо, не плачь. Я скоро вернусь.

Пытаюсь каждой клеточкой лица запомнить его прикосновения. Большим пальцем он вытер слезу с моей щеки и улыбнулся ласково, но с грустью в глазах.

Поезд издал протяжный звук. Это сигнал к отправлению. Муж прыгнул в вагон, но ещё долго не отпускал мою руку, пока состав не тронулся с места.

Разлука – это наш враг. Жестокий враг. Она забирает наших любимых, оставляя лишь осколки воспоминаний, родные запахи, словно бы дразнит нас, не замечая, что нам и без того плохо. Нельзя прикоснуться. Нельзя невзначай оказаться в крепких и теплых объятиях. Нельзя...

Остается лишь ждать и надеяться. Надеяться на то, что это время пройдёт, наши руки вновь сомкнутся, и мы вместе пойдём по дороге жизни, преодолевая все преграды на этом пути и прогнав из жизни незваную гостью по имени

Разлука. Вместе и навсегда.

Я пришла домой. Слезы ещё не высохли на моих глазах. Сняв босоножки и положив берет в шкаф, я села в кресло, поглаживая свой округлившийся животик. Мой взгляд упал на календарь.

Сегодня – 29 июня 1941 года.

Роковое трио

История №1

Подземный переход. Я стою над распростёртым телом своего лучшего друга, который лежит на полу в луже крови. У меня в руках пистолет. Смотрю на него и не могу понять того, что сейчас произошло. Внутри пустота. В голове звучит только один вопрос: когда начался весь этот кошмар?

История №2

Я сижу в тюремной камере. Жду, когда смертельный приговор приведут в исполнение. Нет сил. Всю жизнь я был неудачником: в сорок пять не ожидал, что жена бросит меня, а вдобавок ещё и с работы уволят. Не удивительно, что моя жизнь закончится именно так. Разве у неудачника могло быть по-другому? Как я мог так вляпаться? Часто думаю о той точке отсчёта, с которой всё и началось. Она была заложена судьбой с момента моего рождения, или я сижу в этой проклятой камере по стечению обстоятельств? В какой момент обратный отсчёт времени моей жизни пошел не на года, а на часы и минуты?

История №3

Я нахожусь в коме. Знаю, что лежу в городской больнице. Неправда, что в коме человек ничего не чувствует, не слышит и не понимает. Я слышу всё: маму,

которая разговаривает со мной, друзей, надеющихся на моё выздоровление, и врачей, произносящих вслух мои показания. Я хочу проснуться, но не могу. Я будто заблудилась в лабиринте мыслей, голосов, страхов и надежд. Но я не сдаюсь. Иду вперед, к выходу, к тому, чтобы очнуться, несмотря на сильную боль, которая отдается во мне с каждым шагом. В голове мелькают образы из прошлого: вокзал, магазин, наручные часы, поезд, звонок, угрозы, чёрная маска, пистолет, выстрел. Да, всё началось в тот день, который обещал быть счастливым.

История №1

Весь ужас, который мне предстояло пережить, начался в тот день, когда я и Кирилл, мой лучший друг, вышли из поезда на вокзале. Замечательное утро: яркое солнце согревало своим теплом землю, легкий ветерок нежно гладил мою шевелюру. Именно шевелюру, как еще можно назвать то, что было у меня на голове после ночной поездки в плацкарте?

– Ну, вот мы и добились с тобой того, о чем мечтали, Петька, – сказал мне Кирилл. – Университет культуры и искусства ждёт нас!

– Вот-вот мы откроем нашу собственную танцевальную группу и будем выступать во всех странах мира.

– Не торопись, – спустил меня с небес на землю друг. – Сперва нужно закончить обучение на хореографическом факультете, потом найти еще минимум троих талантливых танцоров.

– Ладно, – согласился я и поднял сумки с земли, – давай всё делать постепенно и не лезть на рожон.

Внутри здания вокзала нам в глаза бросилась надпись «Burger King». Мы переглянулись.

– Ты подумал о том же, о чём и я? – спросил Кирилл.

Я кивнул. В животе урчало ещё в поезде.

– Тогда вперёд, – скомандовал друг, и мы подбежали к кассе, пока там не было очереди.

Мы заказали наггетсы, картошку фри и взяли по гамбургеру.

– Подождите семь минут, – ответила молодая брюнетка.

Пока мы ожидали заказ, я отлучился в туалет. По дороге на меня наскочила девушка, которая бежала и никого перед собой не видела, потому что убирала кошелек в сумку. Из её пакета высыпались апельсины, и пока я помогал их собирать, она не переставала извиняться:

– Ой, я такая неуклюжая, простите меня. Я очень тороплюсь.

Последний апельсин мы взяли вместе. Наши руки соприкоснулись, и мы посмотрели друг на друга. Девушка засмушалась.

В этот миг к нам подошел какой-то мужчина и отдал ещё один апельсин, который далеко откатился.

– Спасибо, оставьте себе, – сказала девушка и обратилась ко мне: – И вы возьмите в благодарность.

Я даже отказаться не успел, так быстро она всунула мне в руки апельсин и побежала на поезд.

В тот момент я и не подозревал, что эта встреча и эти десять секунд навсегда изменят мою жизнь.

История №2

Я уже говорил, что чувствую себя неудачником. Но в тот день у меня было хорошее настроение и никакие тяжелые мысли не обременяли меня, что, надо признать, случается довольно редко.

Я пришел на вокзал, чтобы встретить своего двенадцатилетнего сына, который приезжал ко мне в гости. Но поезд задерживался, и я присел отдохнуть.

Мимо меня проходило много людей. Вот парень с девушкой держаться за руки. Он ей увлечённо рассказывает о работе дизельного двигателя и не замечает, что у подружки скучающий вид. А вот мужчина с густой бородой прошёл мимо меня, ведя перед собой коляску. Его дочка помахала мне ручкой. Напротив меня дремлет старушка. За её спиной из магазина выбежала рыжеволосая девушка. Она поставила на стол пакетик с фруктами, чтобы положить кошелек в сумку.

Тут диспетчер объявила об отъезде очередного поезда через одну минуту. Девушка подорвалась и побежала, забыв про фрукты. Вскоре она опомнилась, развернулась и побежала обратно, схватила пакетик и помчалась, что есть мочи на поезд, совсем не глядя по сторонам. Убирая на ходу кошелек в сумку, который она так и не успела спрятать, девушка налетела на высокого и стройного брюнета. При столкновении апельсины высыпались из пакета. Один откатился в мою сторону. Я поднял его и подошёл к незнакомке. В ответ на протянутый мною апельсин она улыбнулась и попросила оставить фрукт у себя, после чего убежала.

Я вернулся на место, держа в руках апельсин, будь он неладен. Именно из-за него, из-за этого проклятого апельсина всё и произошло. Если бы не он, я сейчас не сидел бы в этой камере. Он послужил отправной точкой к последующим злоключениям.

История №3

Когда я получила письмо от еженедельного издания "World's words", я запрыгала от счастья: меня приглашали на работу. Не каждому студенту предлагают место в крупном издательстве. Но нужно помнить, что без труда не вытянешь и рыбку из пруда. Сколько бессонных ночей в руках с учебниками я пережила, сколько сил и нервов затратила, но всё это того стоило. Я погладила живот и сказала:

– Мамочка счастлива!

Да, сначала нужно пройти собеседование. Но это формальность. Кстати, когда мне назначена встреча?

Я ещё раз перечитала письмо. Сегодня через три часа я должна быть у них в офисе. Никогда ещё так быстро я не одевалась. Я выбежала из квартиры, спустилась на первый этаж и вспомнила, что не закрыла квартиру на ключ. Вновь поднялась на девятый этаж, дёрнула за ручку двери, но она оказалась закрытой. В этом моя проблема: если я тороплюсь, становлюсь рассеянной.

В автобусе я разговаривала по телефону с подругой до самого вокзала. Как назло мобильник выключился, как только я вышла из автобуса. Разрядилась батарея. По расписанию мой поезд отходил в одиннадцать двадцать три. Я стала искать часы на вокзале, но у них не функционировал таблоид с цифрами, показывающими минуты. Одно я знала точно: одиннадцать часов уже есть.

Я спросила время у первого попавшегося прохожего. Он посмотрел на золотые часы на руке и сказал:

– Пятнадцать минут двенадцатого.

– Спасибо, – ответила я, даже не подумав, что его часы могли показывать неточное время. Его часы отставали на три минуты. Это короткое время, которое, как я думала, у меня есть, впоследствии сыграло страшную роль не только в моей судьбе, но в судьбе и других людей. Сейчас я волей-неволей должна была принять решение, сделать выбор. Такие решения мы принимаем с вами сотни раз на дню и не задумываемся. Я сделала неправильный выбор, ведь я решила, что успею перед поездкой ещё в магазин забежать, купить апельсинов. Уж очень хотелось насладиться их вкусом. Трудно себе отказать, когда ты беременная.

Я зашла в магазин, купила целых десять апельсинов и, чтобы не задерживать очередь, вышла наружу, где стала убирать кошелёк в сумку. Женский голос сообщил, что мой поезд вот-вот тронется. Я так боялась опоздать на него, что напрочь забыла про фрукты и стремглав побежала к выходу.

– Апельсины! – вспомнила я и, развернувшись, побежала обратно.

«Вот непутевая, – ругала я себя, – давай быстрее. Сейчас поезд уйдет, а ты останешься. Только никого не сбей на такой скорости».

И, как на зло, в этот момент я со всей силы врезалась в парня. Апельсины рассыпались, а он стал помогать мне их собирать. Я извинялась перед ним, а он молчал. Когда же наши руки соприкоснулись, взяв один и тот же апельсин, я почувствовала тепло и посмотрела ему в глаза.

Он был красив: карие глаза с длинными ресницами, прямой нос и смешная причёска на голове. Он улыбнулся мне, и на его щеках показались ямочки. Я зарделась, как маков цвет.

«Прекрати краснеть, – не переставал читать мне морали мой внутренний голос, – ты что, влюбилась? Вспомни, ты беременна и парням не доверяешь после того, как тебя бросили».

Подошедший мужчина отвлёк меня от всех мыслей. Он протянул мне ещё один апельсин. Я поблагодарила их обоих, вручив им апельсины, а сама убежала.

Еле-еле я успела на поезд. Ещё секунда – и он бы тронулся с места, а двери бы закрылись, и я не смогла бы войти, утонув в потоке разочарования и злости.

Пока поезд ехал, я наблюдала за открывающимся пейзажем за окном: мимо меня пробегали деревья, дома, облака... И столбы с ЛЭП.

Не буду рассказывать о том, как проходило собеседование, скажу одно: меня взяли на работу. Мало того, разрешили работать удалённо. Буду присылать им свои статьи.

По дороге домой я спала под размеренный и характерный стук колес поезда: ту-тух-ту-тух, ту-тух-ту-тух.

Только оказавшись дома, а точнее в маленькой квартире общежития, я вспомнила про апельсины. Выложив их на стол, я удивилась, потому что их было семь. Но, если я купила десять, а два отдала, то их должно быть восемь.

«Наверно, один так и укатился куда-то», – подумала я, не придавая большого значения этой мелочи. Взяв нож, я разрезала апельсин пополам. От того, что я увидела внутри, сердце, казалось, остановилось. На стол упал маленький прозрачный пакетик с белыми таблетками и порошком.

История №1

– Ты из туалета вернулся с апельсином? – удивлённо спросил Кирилл, когда я положил перед ним фрукт. – Из бочка его достал? Не проверял, мало ли что в нём?

– Нет, – ответил я, – его мне красивая девушка подарила.

– Небось с рыжими волосами?

– Да, – сказал я, не удивляясь тому, что друг знает обо мне всё. Коротко я пересказал ему встречу с девушкой.

– Жаль, имени не знаю.

– Ладно, не расстраивайся. Садись лучше есть, в животе урчит.

Перекусив фастфудами, мы решили съесть апельсин. Кирилл взял его в руки и уже собрался чистить его, как вдруг сказал:

– Смотри, Петя, тут уже есть какой-то странный надрез.

И правда, в кожуре апельсина возле того места, где когда-то он крепился к ветке дерева, был замечен еле видный разрез. Кирилл засунул туда палец и сказал:

– Там что-то есть.

После этих слов он руками разделил апельсин на две части, и на наш стол упал маленький прозрачный пакетик.

– Ух ты ж ёлки, – выругался Кирилл, увидев содержимое апельсина.

– Спрячь это, пока никто не увидел, – сказал я, озираясь по сторонам, проверяя, не заинтересовался ли кто нашими персонами. Но люди вокруг ничего не

замечали.

Быстро спрятав сюрприз в сумку, мы направились к выходу.

– Что теперь будем делать? – спросил у меня Кирилл.

– Приедем на съёмную квартиру, тогда решим, – ответил я, сам пока не зная, что же делать дальше.

Квартира, которую мы сняли пока на месяц, была небольшой, но уютной. Хозяева долго рассказывали, где что находится, как будто чувствовали наше волнение и хотели продлить эти страдания. Я их не слушал. Все мысли были заняты апельсином и девушкой, которая подарила мне его. Когда хозяева ушли, мы достали апельсин.

– Так, – я пытался рассуждать рационально, – в милицию звонить всё равно, что подписать себе смертный приговор. Предлагаю просто выкинуть его.

– А если кто найдет? – предположил друг.

– Положим в пакет от молока. Внутри его никто искать не станет, – сказал я, доставая телефон из кармана: мама беспокоилась, как мы добрались.

Глазами дав знак Кириллу, чтобы он разобрался с апельсином, я вышел поговорить с мамой.

Когда я вернулся на кухню, там не было ни Кирилла, ни мусорного пакета. Через минуту друг вошёл со словами:

– Хорошенький подарочек подкинула тебе твоя рыженькая.

– Я уверен: она сама не знала об этом, – ответил я, наблюдая, как за окном машина забрала мусор. От окна мы с Кириллом не отходили, пока мусоровоз не уехал со двора.

«Завтра надо вернуться на вокзал и всё разузнать», – подумал я. Если бы Кирилл умел читать мысли и видеть будущее, он сейчас бы привязал меня к стулу на

неделю, чтобы я не лез не в своё дело, а в дальнейшем не убил бы его.

История №2

Я встретил своего сына. Он с радостью бросился меня обнимать.

– Хочешь апельсин? – спросил я его, когда мы выходили из здания.

Мальчик кивнул, и я протянул ему подаренный фрукт.

– Как там мама поживает? – как бы невзначай спросил я.

– Хорошо, – ответил мальчуган.

– С кем-нибудь встречается?

Но не успел я выслушать ответ, как нас остановили люди в форме милиции.

– Пройдите с нами, – сказали они мне, – мы вынуждены забрать у мальчика апельсин.

Я хотел было сопротивляться, но один сержант вскрыл апельсин у меня на глазах и оттуда выпал пакетик с наркотиками.

«Коля, – сказал я себе, – ты полный неудачник».

В комнате допросов я снова и снова рассказывал историю с апельсином, но мне никто не верил.

– Ещё раз вам повторяем: уже год мы ищем группировку наркоторговцев, провозящих запрещенные препараты в апельсинах. Нам известно, что в этой банде двое мужчин и одна женщина. Вас зафиксировала камера, на которой вы протягиваете апельсин своим сообщникам. Их мы не успели поймать, но поиски ведутся.

Он ещё долго говорил, а я устал. Что я мог сделать? Всё говорит против меня.

Но самым ужасным был суд. Мало того, что меня обвинили в том, чего я не делал – торговля наркотиками и убийство – так еще и жена приехала сюда, утверждая, что я хотел накормить её сына – нет, нашего сына – наркотиками.

Услышав смертельный приговор, я тогда уже перестал существовать. Зачем вообще я жил в этом мире? Почему я всё растерял в жизни? Можно ли было прожить по-другому?

История №3

«Спокойно, ничего страшного не случилось, – успокаивала я себя. – Подумаешь, наркотики в апельсинах. Да ещё два отдала людям».

Такие мысли лишь усугубляли мое положение, я была на грани паники.

«Что делать? Что же делать? Идти в милицию? Нет, там мне не поверят. Выбросить? Опасно, вдруг кто найдет? Но не оставлять же их у себя?»

И тут зазвонил телефон. Я аж подпрыгнула, так были напряжены мои нервы.

– Алло! – ответила я на звонок.

– Верни то, что тебе не принадлежит, – сказал мужской голос. – Иначе сильно пожалеешь.

– Хорошо, я всё верну.

– Завтра в семь утра около фонтана на площади. И не смей никому звонить. Приходи одна.

Трубку бросили. Мне стало страшно. Всю ночь я не спала, а утром, сложив апельсины в пакет, отправилась к месту встречи.

В это время на улице совсем мало людей, поэтому я сразу узнала человека, стоящего возле фонтана. Каково же было моё удивление, когда этим человеком оказалась женщина.

– Вот, я принесла, я не хотела, – начала оправдываться я.

– Тихо, – сказала незнакомка, взяла пакет и ушла.

Чем дальше она уходила, тем легче я себя чувствовала, как будто кто-то снимал тяжесть с моих плеч.

Я старалась забыть об этой ситуации, но вечером нашла письмо в почтовом ящике, в котором была всего одна строчка:

«Где остальное? Ты труп, если не принесешь ещё два апельсина».

История №1

Каждый вечер после занятий я ходил на вокзал. Я спрашивал почти у каждого, не знают ли они рыжеволосую девушку с апельсинами; я посетил каждый фруктовый магазин, каждую лавку, зашел даже в близлежащие магазины, но никто о подозрительных апельсинах и о девушке ничего не знал.

На четвертый день я сдался, ощутив тщетность всех моих усилий, и решил сегодня не идти на вокзал. Но вечером позвонил Кирилл:

– Слушай, забери меня. Я заблудился.

– Где ты? – спросил я. Голос друга был немного странным.

– Тут написано «возкал», то есть «вокзал», – сказал он.

Я положил трубку и побежал к другу. Тому явно нужна была помощь.

Я нашел Кирилла на улице: он сидел на земле, прислонившись к холодной каменной стене здания.

– Эй, дружище, что с тобой? – спросил я, пытаюсь его поднять.

– Я под кайфом, – ответил друг и неестественно рассмеялся.

– Что? Ты никогда не принимал наркотики. С чего вдруг? И откуда они у тебя?

– Вот, смотри.

И Кирилл достал знакомый прозрачный пакетик.

– Ты же его выкинул. Или нет? Что ты наделал? – гневно произнес я. – Пошли домой.

– Я просто хотел попробовать, – сказал Кирилл.

Придя в квартиру, я уложил друга спать, а на следующий день не разговаривал с ним, несмотря на все его извинения.

Вечером я впервые шёл с института в полном одиночестве. Кирилла я не стал ждать. Обида и злость не давали мне покоя. Когда я спустился в подземный переход, дорогу мне преградил мужчина.

– Гони то, что тебе не принадлежит, – с угрозой произнес он.

– Вы, наверное, обознались, – насторожился я.

– Нет, это ты вынюхивал на вокзале про апельсины. У тебя остался последний.

Тут я понял, что попал в капкан.

– Гони сюда апельсин, – сказал мужчина и достал пистолет.

– У меня его с собой нет. Я его выбросил.

– То, что в нём, ты не выбросил, спроси у своего дружка.

В этот момент я ненавидел Кирилла. «Если останусь жив, сам убью его», – подумал я, а вслух произнёс:

– Клянусь, нет у меня ничего.

– Тогда тебе не повезло, – и с этими словами человек нажал на курок. Прогремел выстрел одновременно с криком:

– Не-е-ет!

Кто оттолкнул меня назад, а сам встал передо мной.

Встав на ноги, я увидел Кирилла, лежащим в луже крови. Бандит сбежал, оставив свой пистолет. Не знаю, зачем я поднял его – то ли хотел уничтожить, то ли рассмотреть. Мозги плохо соображали, но, подойдя к своему лучшему другу, я сказал:

– Это я виноват. Не нужно было ходить на вокзал. Всё равно, что убил тебя.

– Ты не виноват, – услышал я.

– Зачем ты это сделал? – спросил я, упав на колени.

Слёзы нарисовали дорожки на моих щеках.

– Разве братья не так должны поступать, – еле прошептал друг и закрыл глаза.

История №2

Ночь пролетела незаметно. За мной пришли. В последний раз иду по земле, в последний раз наслаждаюсь солнцем и небом. Почему я не ценил это раньше? Почему чаще грустил, чем радовался?

Я видел больше, чем полдюжины человек, ожидавших команды, которая отправит меня на тот свет.

«Сейчас принять содержимое того пакетика, – подумал я. – И почему перед смертью всякий бред в голову лезет?»

Мне завязали глаза.

– Целься! – слышу я, и сердце забилося часто-часто.

Прогремел выстрел. Я ничего не почувствовал, только услышал «Остановите смертную казнь. Он не виновен. Мы нашли настоящую банду».

Я упал в обморок.

История №3

И снова всю ночь я не спала, думая, как вернуть последние два апельсина.

Неожиданно посреди ночи я услышала странные звуки на своём этаже. Выйдя посмотреть, что произошло, я увидела, как какой-то мужчина тихо крался по коридору.

Он повернулся ко мне спиной, и я не упустила возможность перебежать к лестничной площадке. Оттуда я продолжила наблюдать. Мужчина подошел к двери моей комнаты и открыл её.

«Почему никто не проснулся? И откуда этот маньяк знает дверь моей комнаты?»

Мужчина понял, что в комнате никого нет, и, выскочив оттуда, заметил меня. Я бросилась вниз, но он бежал быстрее. Не успела я позвать на помощь, как он схватил меня за волосы, подтащил к себе и закрыл рот.

– Будешь хорошей девочкой – не умрешь, – сказал он мне на ухо.

Я кивнула головой, давая понять, что кричать не буду. Он отпустил одну руку, но второй крепко держал меня.

– Итак, нам известно, что один апельсин уже в руках милиции. Где ещё один?

– У какого-то парня, – прошептала я. – Мы столкнулись на вокзале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kremis_nikita/beregite-drug-druga

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)